

	Проект	«Реальная война»
	Цикл передач	«Вопросы историкам»
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ВТОРОГО выпуска

<u>Морозов</u> <u>Мирослав Эдуардович</u>	кандидат исторических наук, главный научный сотрудник НИИ Военной истории ВАГШ ВС РФ	далее Морозов
<u>Сапрыкин</u> <u>Максим</u>	Ведущий	далее Ведущий

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Вопросы историкам» в рамках проекта «Реальная война». Выпуск второй.

Ведущий: Здравствуйте, дорогие друзья. В рамках проекта «Реальная война» мы начинаем цикл передач «Вопросы историкам». Не секрет, что против нашей исторической памяти ведётся очень мощная информационная война. Так вот, развеять мифы и воссоздать историческую правду, – именно эти цели мы ставили перед собой, делая нашу передачу. Итак, в студии я, Максим Сапрыкин, и наш сегодняшний гость – полковник, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института военной истории Военной академии Генерального штаба Морозов Мирослав Эдуардович.

Ведущий: Мирослав Эдуардович, здравствуйте.

Морозов: Здравствуйте.

Ведущий: Мирослав Эдуардович, хотелось бы узнать об обороне и эвакуации морских баз в начальный период войны. Как то – Северное стратегическое направление, Балтика, Юг.

Морозов: Да, как мы знаем, начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война, она свои главные задачи, безусловно – наступающая сторона – решала на суше. Но, в то же время, вот как-то из общей истории войны, если не выпало, то оказалось в значительной степени в тени, события, которые происходили на море и на приморских флангах советско-германского фронта. А таких у нас получалось, как Вы совершенно правильно заметили, три. Вот. И нужно заметить, что происходившие там события, они, может быть, и не напрямую и, может быть, не слишком явно, но в значительной степени влияли на общую ситуацию. Вот, допустим, возьмем ... начнём с Северного стратегического направления. Горнострелковый корпус генерала Дитля, начавший 29-го июня наступление на Мурманск, имел главную задачу – захват этого города. Не было бы Мурманска – не было бы этого пункта базирования флота, не было бы, по всей вероятности, и самого наступления. Это уже само по себе говорит о многом. Далее. Хотя изначально это не планировалось ни одной, ни другой сторонами, но уже летом 41-го года, к его концу – в августе месяце – началось движение союзных северных конвоев, по которому в Советский Союз поступало до 25-ти процентов грузов, направлявшихся по ленд-лизу. Два порта выгрузки у них было: Мурманск и Архангельск. Архангельск находится на Белом море, которое в зимнее время замерзает. Незамерзающим портом является только Мурманск. Потеряй, допустим, мы в 41-м году Мурманск – и движение конвоев было бы намного менее интенсивным. И, более того, если бы противник овладел бы Мурманском, а больше никаких крупных городов на Кольском полуострове не было, это автоматически привело бы к падению всего Кольского полуострова, – немцы бы вышли на одно из побережий

устья Белого моря. И, скорее всего, движение союзных конвоев в Архангельск, при том, что немцы сидели бы на одном берегу входа в Белое море, скорее всего, тоже было бы невозможно. Отпал бы этот, самый кратчайший, самый быстрый пункт доставки военных грузов. И эти грузы, направлявшиеся летом 42-го года в довольно большом количестве, использовались уже и при обороне Москвы, и в Сталинградской битве. Безусловно, они не играли решающего ... решающей роли, но всё равно были важными в той критической ситуации, которая в тот момент сложилась. Точно так же удержание полуострова Рыбачий, который по своему географическому положению закрывал вход в Кольский залив. Он был сначала немецкого наступления на Мурманск блокирован с суши. И до октября 44-го года, когда мы освободили Заполярье, находился вот на таком положении анклава, изолированного с суши. Очень важным было его удержание. Немцы, когда наступали на Мурманск, вот первоначально две немецкие горно-стрелковые дивизии выступали против одной советской и продвигались достаточно быстро, используя разрывы в линии фронта, то, что в тех климатических погодных условиях сплошной линии фронта, в тундре просто невозможно ...

Ведущий: Не было.

Морозов: Вот. Горно-стрелковые дивизии с хорошей подготовкой, мобильные для тех условий, легко нащупывали в советской обороне разрывы, просачивались туда, создавали угрозу охвата, окружения, заставляли наши войска отступать. Что в этой ситуации могла противопоставить 14-я армия, оборонявшая Заполярье и Северный флот? Точно такую же тактику, но только осуществлённую с моря. То есть уже 30-го июня 41-го года в устье реки Западной Лицы был высажен морской десант сначала в размере батальона, спустя несколько суток – в размере стрелкового полка, который оказался у немцев в тылу, пересёк их линии снабжения – немцам стало невозможно наступать. Они из двух горно-

стрелковых дивизий – в общей сложности четыре горно-пехотных полка – немцы были вынуждены один из горно-пехотных полков вывести из наступления, отправить его бороться с морским десантом. Соответственно, без этого полка само наступление заглохло. Вот на этом частном примере я вам показываю, как действия военно-морского флота при обороне, они способствовали общей стабилизации фронта. В конечном итоге фронт был стабилизирован там. Новое немецкое наступление в сентябре 41-го года опять провалилось. Генерал Дитль требовал от немецкого военно-морского флота – Кригсмарине – более интенсивной поддержки, чтобы он мог продолжать наступление или, по крайней мере, хотя бы просто воспрепятствовать действиям советского флота по высадке десанта у него в тылу. В ответ на это Кригсмарине сказал: «Мы войдём в Мотовский залив», – откуда осуществлялись все эти советские действия, но условием для этого являлся захват полуострова Рыбачий, который был блокирован. Но для немцев захват Рыбачьего – это снова нужно было бы как минимум один полк. А, скорее, два полка снимать с главного направления Мурманского, отправлять туда, на фланг. И с неизвестным результатом. Дитль на это не пошёл. В результате мы удержали и Мурманск, и Рыбачий. Примерно подобная же ситуация была где-то и на Балтийском море, правда, там, к сожалению, наши действия меньший успех носили. Значит, первой военно-морской базой на Балтике, которую пришлось оборонять, была Либава. Про неё достаточно много было написано. В своё время даже по сценарию небезызвестного Смирнова – того же, кто поднял на щит подвиг защитников Брестской крепости – был снят художественный фильм про Либаву. Много говорилось и писалось, как вот морской Брест – её так и называли. На самом деле, конечно, не так всё происходило блестяще, но факт оставался фактом – одна советская стрелковая дивизия, 67-я, которая осуществляла оборону Либавы, достаточно успешно сопротивлялась против целой пехотной дивизии, которая уже по штату была больше, чем

стрелковая дивизия Красной Армии, причём со средствами усиления достаточно большими – против 291-й немецкой пехотной дивизии. И немцы на самом деле, вот, несмотря на две попытки штурма Либавы, так и не смогли прорвать советскую оборону. Фронт фактически был стабилизирован. И, значит, в литературе зачастую писалось, что немцам Либава не смогла обороняться, немцы взяли её штурмом ... На самом деле это не так. На самом деле вечером, во второй половине дня 26-го июня 67-я стрелковая дивизия получила приказ выходить на рубеж реки Западная Двина в связи с тем, что немцы захватили плацдарм под Даугавпилсом, прошли 2/3 расстояния до Ленинграда – нужно было срочно мобилизовывать силы для обороны на реке Западная Двина. Вот. И вот в этих условиях, что армия уходит, – сам флот не имел сухопутных частей для обороны базы – базу пришлось эвакуировать. В результате вот первая оборона оказалась очень короткой – всего 5 дней после начала войны и закончилась тем, что мы сами эту базу оставили. К сожалению, при эвакуации, при попытке прорваться через тылы немцев, которые к тому времени уже дошли до Риги, тоже потеряли значительное количество войск, даже больше, чем было потеряно непосредственно в ходе самой обороны Либавы. Далее оборона Таллина. Начальная ситуация была крайне неблагоприятна для Красной Армии. Одна стрелковая дивизия на всю Эстонию. И две немецких стрелковых дивизии, которые, так сказать, отпочковались от главного Ленинградского направления, и пошли чуть ли не пешим маршем, не встречая никакого сопротивления, заняли всю южную Эстонию. Уже 9-го июля немцы взяли Пярну. В штабе Балтийского флота, который находился в Таллине с 40-го года, после присоединения прибалтийских республик, значит, разведка воздушная видела большое движение немцев в Пярну. И поскольку было известно, что никаких сухопутных соединений базу флота не прикрывает, стрелковая дивизия тоже вроде как получила задачу отходить в

направлении Нарвы, флот в течение ночи с 8-го на 9-е июля приготовился к эвакуации. При этом нельзя скрыть тот факт, что были элементы паники, было уничтожено большое количество ценного имущества, чтобы оно не досталось врагу после известной речи Сталина 3-его июля. Ну, и там всякие другие нюансы. Но немцы передовыми отрядами в Пярну вышли и встали. Вот. И ждали подхода своих главных сил, которые от Риги только в середине июля того же Пярну достигли. За это время было из Ленинграда переброшено две стрелковые дивизии, флот перевёз свою морскую стрелковую бригаду из Выборга в Таллин морским транспортом, куча отрядов моряков-добровольцев было сформировано. И уже оказывается, что у нас сил даже больше, чем у немцев. Немецкие пехотные дивизии главными силами вышли – начинается позиционная борьба. Немцы видят – они не могут в Эстонии дальше продвинуться – у них на фланге (хотя они уже к этому моменту форсировали реку Луга и до Ленинграда оставалось совсем чуть-чуть), у них на фланге нависает довольно крупная группировка Красной Армии, которая в любой момент, ну, если, по крайней мере, не окажет немцам достойного сопротивления, то может даже нанести какой-нибудь контрудар. Немцы к тому времени уже хорошо с нашими контрударами познакомились. Успешный был контрудар под Сальцами, когда 8-я немецкая танковая дивизия была разгромлена. Что в этой ситуации делалось? Они отправляют на помощь к тем двум пехотным дивизиям ещё три пехотных дивизии. Они снимаются с главного Ленинградского направления. 5 пехотных дивизий – это очень много. Меньшими, гораздо меньшими силами немцы взяли Новгород, и вышли, перерезали дорогу между Ленинградом и Москвой. То есть силы довольно крупные. И, да, сначала одно наступление, – окружили небольшие наши силы, – потом в начале августа они вышли к побережью Финского залива, отрезав Сталинск с суши. Взяли Нарву и в 20-х числах августа начали наступать уже непосредственно на Таллин. 26 августа была отдана

директива командованием Северо-западного направления, которым тогда командовал Ворошилов, об оставлении Таллина. И вот только 28-го августа он был оставлен. А мог быть оставлен 9 июля. То есть лишних полтора месяца. Этих лишних полтора месяца мы довольно небольшими силами – почти один к одному – отвлекали 5 немецких пехотных дивизий с главного направления. Хорошо это или плохо?

Ведущий: Я думаю, что это хорошо.

Морозов: Безусловно.

Ведущий: Тем более что это направление на Ленинград.

Морозов: Безусловно. Да. И Ленинград, до которого там оставалось буквально совсем чуть-чуть, и как сами немцы кусали локти: «Совсем чуть-чуть нам не хватило сил», – может быть, этой силы как раз и не хватило. Далее. Оборона в сентябре-октябре 41-го года Моонзундских островов. Это был вообще дальний анклав. Немцы стоят непосредственно в городской черте Ленинграда, как мы знаем, а в это время западнее материковой Эстонии два крупных острова удерживается усиленной стрелковой бригадой вместе с военно-морским флотом. Немцы для захвата этих Моонзундских островов выделяют целую пехотную дивизию, крупную группировку флота и целую авиационную команду. Они добились своего успеха. Оба острова были захвачены. Мало кого удалось, к сожалению, эвакуировать ... Но опять ... опять отвлечение сил от главного направления. Эвакуация Ханко, которая с октября по декабрь 41-го года – это на северном побережье Финского залива, на территории Финляндии. По условиям договора, по итогам советско-финляндской войны 39-40-го года мы взяли её в аренду. Финны в июле 41-го года пытались штурмовать в лоб – ничего из этого не получилось, они начали Ханко блокировать небольшими силами. Наши в ответ на это переформировали таким образом силы на Ханко, вызвали опять же отряды моряков-добровольцев, – они захватили множество финских островов,

которые окружали Ханко, где находились финские наблюдательные посты, при помощи которых вёлся обстрел базы дальнобойной артиллерией. И опять же противнику приходилось снимать дополнительные силы для того, чтобы эти острова пытаться отбить, блокировать увеличившийся периметр обороны. И в октябре-декабре 41-го года база была эвакуирована. Потери при этом понесли определённые мы в кораблях. Но большая часть личного состава была вывезена для обороны Ленинграда. И это при том, что весь Финский залив от Ленинграда до Ханко, который на западном входе находится, уже контролировался военно-морскими силами противника. Вообще отказ немцев изначально в плане Барбаросса от привлечения своего военно-морского флота для участия в походе на Восток, он, как показало, был крупной ошибкой. Потому что нашему флоту, который, ну, который по ряду позиций уступал, безусловно, флоту противника – к сожалению, так получилось – удалось добиться довольно многого. Если бы надводные корабли не снабжали Таллин, Ханко, конечно бы, столь длительной обороны на протяжении нескольких месяцев в глубоком тылу у противника, они были бы невозможны. Кроме этого, корабли, безусловно, принимали участие в поддержке огнём своих орудий. То же самое – береговые батареи. То же самое – постоянно формировалась из экипажа кораблей морская пехота. Ну, и самое, конечно, наибольшее участие флот на Балтике принял в обороне самого Ленинграда, о чём также не следует забывать. И неизвестно, вообще, не был бы Ленинград базой флота – удалось бы его удержать? Ведь опять же – широко известный факт ... 10 сентября в качестве командующего Ленинградским фронтом прибыл Георгий Константинович Жуков из Москвы, принял командование. Что первым сделал Жуков? Первые его приказы свидетельствуют о том, чтобы прекратить все разговоры об отступлении, ещё раз пересчитать свои силы, точно учесть и организовать взаимодействие с артиллерией военно-морского флота, которой под Ленинградом очень много, а стреляет она

непонятно по чему. Организовали группы морских корректировщиков в штабы стрелковых соединений, особенно оборонявшихся на Ораниенбаумском плацдарме, на юго-западных подступах к Ленинграду и огневой щит Кронштадта и кораблей, находившихся в Ленинграде. Начинают немцы наступать – и ставится завеса неподвижного артиллерийского огня прямо у них по ходу. Как наступать в таких условиях? Пока ещё способов не изобретено ... Нужно по классике военного дела подавить батареи противника огнём своих батарей. Но у немцев нет такой тяжёлой дальнобойной артиллерии в тот момент под Ленинградом. Они привлекли в сентябре 41-го года авиацию. Но что интересно? В связи с тем, что авиация у немцев тоже была, как говорится, не так много (хотя временами, конечно, нашим солдатам и казалось, что в небе там нет свободного пространства – одни немецкие самолёты – на самом деле авиация у них использовалась массированно и очень целеустремлённо), так вот, налёты на корабли Балтийского флота немецкая авиация смогла позволить себе произвести только тогда, когда она освободилась от заявок сухопутных войск о непосредственной поддержке наступления. Да, кораблям немцы нанесли определённые потери, но наступление-то к этому моменту уже выдохлось. Все необходимые для того, чтобы его остановить, снаряды корабли уже к этому моменту выпустили.

Ведущий: Выполнили задачу свою.

Морозов: Безусловно. Вот. А потери? Потери – да – определённые мы понесли. Но этот огневой щит, он существовал. В апреле 42-го года немцы предприняли новую попытку уничтожить флот в Ленинграде ещё в тот момент, когда на Неве был ледостав, то есть корабли скованны ледовым панцирем, не могут маневрировать, перемещаться. Но к тому моменту мы уже значительно усилили противовоздушную оборону. Все эти налёты были отражены. Эффект от них был весьма незначителен, огневой щит

никуда не делся. Он продолжал существовать. Авиация Балтийского флота – то же самое – принимала участие в обеспечении всех этих действий. Она же тоже составная часть флота. Более того, в 41-42-м году ударные самолёты авиации Балтийского флота, они превосходили по своему количеству авиацию Ленинградского фронта, численностью ударных машин. Только истребителей у сухопутчиков было больше, потому что там был целый истребительный корпус ПВО Ленинграда. И в первую очередь задачей для морской авиации в тех условиях было уничтожение дальнобойных батарей, обстреливавших город. И с этими задачами успешно боролась дальнобойная артиллерия Балтийского флота – вот эти вот тяжёлые морские орудия и авиация. Не было бы этого – гораздо большие бы потери понесли.

Ведущий: Хорошо. Южное стратегическое направление. Одесса.

Морозов: Южное стратегическое направление. Одесса. Так получилось, вследствие того, что, значит, главный удар немцы наносили на центральном – на Московском направлении – что у них Южное направление было второстепенным. Поэтому на юге всё стало происходить значительно позже. Ну, в условиях 41-го года даже любая неделя, любой месяц, любая отсрочка играла большую положительную роль, потому что, ну, чего греха таить – ведь в первые недели Великой Отечественной войны даже в Генеральном штабе далеко не в полном объёме и правильно представляли себе складывающуюся на фронте обстановку. И для того, чтобы сложилась вот вся система бесперебойного управления войсками, получения информации об обстановке тоже потребовалось определённое время. Короче говоря, оборона Одессы, она началась тогда, когда эта система уже более или менее сложилась, и можно было более или менее осознанно из центральных органов управления Вооружёнными силами всем этим делом руководить. Ну, и, конечно, в значительной степени положительно на весь ход военных действий играло то, что противниками

под Одессой у нас были не немцы, а румыны. Немцы только усиливали их отдельными ударными подразделениями артиллерии, авиации. Поэтому первый шок после того, как Одессу, по-моему, 15 августа отсекали, полностью блокировали с суши, он прошёл – опять же корабли Черноморского флота ... Был сформирован отряд кораблей огневой поддержки, созданы новые береговые батареи, сформирована авиагруппа целая Черноморского флота. От ВВС Красной Армии там был один единственный истребительный полк, ударных самолётов он вообще не имел, поэтому в основном вся авиационная поддержка под Одессой осуществлялась авиацией Черноморского флота. Они сначала стабилизировали обстановку под Одессой, а 22-го сентября был высажен морской десант размером со стрелковый полк, который вкуче, вместе с начавшимся наступлением с фронта нанесли тяжёлое поражение двум румынским дивизиям, был очищен от противника район восточной Одессы, из которого они держали под прямым обстрелом одесский порт. После этого вообще противник оставил всяческие мысли о дальнейшем штурме Одессы, и всё перешло в позиционную фазу. И оставлена Одесса была только лишь по решениям ставки Верховного главнокомандования в связи с тяжёлой обстановкой, сложившейся в Крыму. Сама обстановка под Одессой эвакуироваться оттуда войска не заставляла. Она могла бы там ещё – не знаю – месяцы, годы находиться в обороне. Черноморский флот её уверенно снабжал и поддерживал. И оставление Одессы произошло только 16-го октября. Мы представляем, где находились 16 октября немцы на Московском направлении – какой это был глубокий анклав, как это было всё далеко в тылу у противника, и какие в то же время эмоции это вызывало у противника. Потому что все эти анклавы, они гипотетически таили в себе угрозу нанесения контрударов в тыл основным ударным группировкам, которые уже далеко прошли дальше на восток. Вот так получилось, что Одессу всё-таки пришлось эвакуировать. Но вот сама

операция по эвакуации Одессы, она считается самой блестящей из всех подобных операций, проведённых нашим флотом за всю Великую Отечественную войну. В условиях практически полной невозможности прикрыть конвои с эвакуированными силами с воздуха, был потерян один единственный пароход из, примерно, тридцати или сорока, принимавших участие в эвакуации. Войска отдельной Приморской армии, оборонявшей Одессу, были вывезены в полном составе. Пароход этот был пустой. Вот для противника эвакуация Одессы была вообще внезапной. Они утром только узнали, что вот весь тот периметр обороны многокилометровый, который держали войска Приморской армии под Одессой, вдруг оставлен. То есть настолько вот румыны всё это дело прошляпили без немецкого руководства. Там операция прошла блестяще, потерь практически не имела. Вся Приморская армия была доставлена в Севастополь.

Ведущий: Вот ещё один вопрос – по снабжению. Действительно ли наш флот снабжался по остаточному принципу?

Морозов: Ну, значит, я тут немножко подформулирую ... Имеется в виду снабжался что и как? Имеется в виду, по всей вероятности, что вот в плане строительства Вооружённых Сил, которое осуществлялось в годы Великой Отечественной войны. Вот у нас в виды Вооружённых Сил, вкладывались определённые средства народного хозяйства в развитие и строительство этих видов. И Военно-морскому флоту действительно перепало не так много. И действительно проблема эта в 41-м году очень быстро обозначилась. Буквально, спустя несколько дней после начала войны. Но вот, возможно, для кого-то это будет открытием, что самым главным судостроительным предприятием Советского Союза накануне Великой Отечественной войны по производству подводных лодок являлся завод «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде. В основном, именно там строились подводные лодки типа С и типа М. У нас 95 подводных лодок находилось в постройке к началу Великой Отечественной войны. Почти

половина их находилась на заводе «Красное Сормово». Уже 10 июля 41-го года в связи с тяжёлой обстановкой, сложившейся на советско-германском фронте, одним из первых своих, если не первым, постановлением Государственный Комитет обороны принимает решение передать завод «Красное Сормово» в ведение наркомата танковой промышленности. Это стал один из четырёх крупнейших заводов по производству танков Т-34. Соответственно, подводные лодки, которые там строились, всё – они были законсервированы. Потом на протяжении всей Великой Отечественной войны некоторые были достроены. Которые были почти готовы в 41-м году – были достроены в 42-м, те, которые чуть побольше, там чего-то не хватало – были достроены в 43-м. И план по достройке законсервированных подводных лодок у завода появился только в 44-м. И после войны они ещё продолжали часть лодок достраивать, часть передали на другие судостроительные заводы. Те заводы, которые до начала Великой Отечественной войны снабжали Военно-морской флот – ну, например, моторы для торпедных катеров, точно такие же моторы с некоторыми отличиями стояли на штурмовиках У-2 – естественно, с начала Великой Отечественной войны производство той модификации мотора, которые были для торпедных катеров, было прекращено. То же самое примерно касалось и, допустим, крупнокалиберных пулемётов ДШК. Для того чтобы устанавливать их на катерах и кораблях требовались специальные тумбы. Сам ствол требовалось выполнять из высоколегированной стали, чтобы он не корродировал при попадании морской воды. Производство этих модификаций было прекращено. На самом деле вот эти вот все меры, они планировались изначально, потому что есть план конверсии предприятий в случае начала войны. И в случае начала войны производство вооружения и военной техники для нужд сухопутных войск в Советском Союзе считалось более приоритетным, чем для Военно-морского флота. Другое дело, что, конечно, война получилась

гораздо более затяжной, чем то планировалось изначально. И Военно-морской флот без подпитки, без производства тех же моторов, запасных частей и прочего всего – не то, что новые корабли не строили, старые уже не смогли бы с определённого момента эксплуатироваться. Война затянулась, война приняла характер войны на истощение. Блицкриг не прошёл. Отказываться от Военно-морского флота никто не собирался, поэтому уже в декабре 41-го года опять теми же постановлениями ГКО, который до этого принял 4 последовательных постановления по консервации кораблей, передаче заводов и так далее, – принимает уже кораблестроительную программу на 42-й год, утверждает: нужны и катера, и то, и то, и то, и то, и тем заводам, которые вроде уже прошли конверсию для нужд сухопутных войск, снова ставится план по производству из недоделанных ещё в 41-м году в первом полугодии полуфабрикатов, опять выпуск некоторыми, отдельными цехами продукции для Военно-морского флота. Если говорить об этом, как об остаточном методе, – то да, наверное. Но на самом деле этот остаточный метод, он позволил Военно-морскому флоту, при том, что он довольно немного ресурсов на себя брал в общем объёме военного производства всё равно более или менее достойно существовать в годы войны. Если крупные корабли – но они даже не в силу того, что к ним не было запчастей – из баз не выходили, то так сложилась обстановка. Но вот катера действовали активно до конца Великой Отечественной войны. Конечно, было бы неправильно совсем не сказать здесь о роли ленд-лиза. Вот те же самые катерные моторы ... мы с 43-го года начали в больших количествах получать американские моторы «Паккард». Проекты наших катеров и других там малых кораблей, они были перепроектированы таким образом, чтобы в них можно было вставить эти двигатели американские. Они как бы обрели после этого вторую жизнь и продолжали производиться расширенными темпами, поскольку, вообще, корпус корабля, он менее технически сложен, чем

мотор, который вставляется внутрь этого корпуса. Поэтому всё это вместе позволило нашему Военно-морскому флоту действовать, до конца решать вот эти вот все задачи.

Ведущий: Спасибо Вам большое, Мирослав Эдуардович, за то, что нашли время и пришли к нам, ответили на вопросы наших зрителей. Я Вас благодарю за интереснейшую беседу. Очень надеюсь на дальнейшее сотрудничество с Вами.

Морозов: Спасибо.

Ведущий: Пишите нам, и мы постараемся ответить на ваши вопросы в наших следующих передачах. Всего вам доброго.